

2015

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

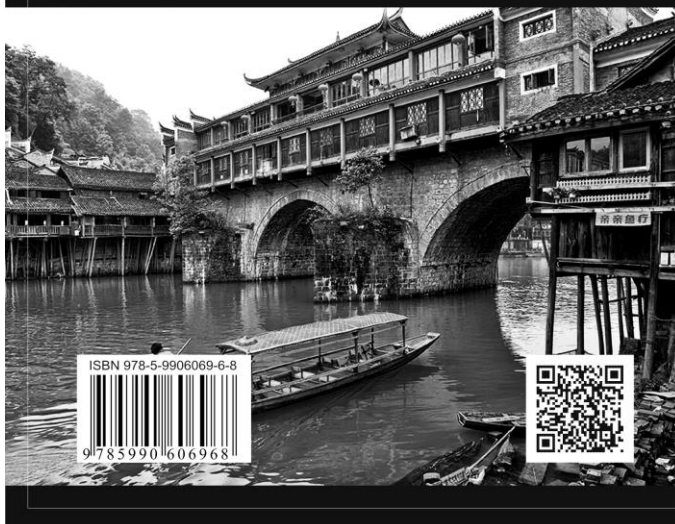

КИВА Алексей Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института востоковедения Российской академии наук, известный политолог, публицист, а в недавнем прошлом — и политик. Основное направление его научной деятельности — сравнительный анализ развития России и стран Востока и, прежде всего, Китая. Автор десяти книг, около 800 научных и научно-популярных статей. Как публицист в 2012 г. он вошел в число наиболее известных авторов энциклопедического издания «Журналистика на стыке веков. Люди и судьбы», а как ученый в 2014 г. — в число наиболее цитируемых ученых в области общественных наук.

Данная работа посвящена исследованию чрезвычайно актуальной проблемы — выявлению составляющих феноменального успеха реформ в Китае и причин неудач реформ в России. С этой точки зрения она представляет интерес не только для обществоведов, но и для практических работников.

Алексей КИВА

Реформы в Китае и России сравнительный анализ

КИВА А.В. Реформы в Китае и России: сравнительный анализ

«Геополитика»

КИТАЙ - РОССИЯ: ДВЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ДВА РАЗНЫХ РЕЗУЛЬТАТА

ВЫШЛА ОЧЕРЕДНАЯ МОНОГРАФИЯ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
АЛЕКСЕЯ КИВЫ «РЕФОРМЫ В КИТАЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ»

В

марте 2015 года вышла очередная монография доктора исторических наук, главного научного сотрудника – консультанта Института востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН), политолога и публициста, члена Экспертного совета журнала «Геополитика» Алексея Васильевича Кивы «Реформы в Китае и России: сравнительный анализ». Она выполнена в Центре исследований общих проблем стран Востока ИВ РАН и издана в Москве Центром

стратегической конъюнктуры. Работа фундаментальная – 304 страниц, 22 авторских листа, охватывает широкий круг проблем двух названных стран на разных этапах их развития. И поскольку проблема реформ не перестает быть актуальной для нашей страны, то редакция «Геополитики» задала ряд вопросов автору монографии.

Алексей Васильевич Кива

«ГЕОПОЛИТИКА»: Почему для сравнения хода реформ и их результатов в России вы взяли Китай, а, скажем, не Индию или Бразилию, которые тоже крупные страны и, кстати сказать, как и наша страна, являются членами БРИКС?

Алексей Кива: Всякое сравнение, как известно, требует корректности, и в этом смысле она налицо. КНР и РФ не только две крупные страны, но и космические державы с мощным ракетно-ядерным потенциалом, постоянные члены Совета Безопасности ООН, пользуются большим политическим влиянием в мире. Причем страны соседские, граничащие на протяжении четырех тысяч километров, исторически между собой взаимодействующие, оказывающие друг на друга влияние, в отдельные периоды очень значительное. И не в последнюю очередь это то, что обе страны, образно говоря, походили в шинели государственного (некоторые называют – «казарменного») социализма, хотя и адаптировали марксистско-ленинское учение применительно к национальным условиям. Но потом пути их разошлись. Власти постсоветской России решительно отказались от социализма в пользу капитализма хорошо известными россиянам шоковыми методами. Пекин же после прихода к власти Дэн Сяопина, не отказываясь ни от социализма, ни от марксизма-ленинизма, но, разительно обновляя то и другое, начал проводить реформы в парадигме градуализма (то есть постепенности, поэтапности). Без революционной ломки политической и экономической системы, а путем их трансформации и с упором на повышение, а не понижение жизненного уровня граждан.

«ГЕОПОЛИТИКА»: Ныне весь мир говорит о поразительных успехах Китая в экономической и научно-технической области. Каковы составляющие этих успехов?

Алексей Кива: Да, действительно, успехи поразительные. Решение о реформах в Китае, получивших название «реформа и открытость», было принято в декабре 1978 года на 3-м пленуме ЦК Компартии Китая 11-го созыва и ровно через 30 лет, соответственно в декабре 2008 года, были подведены итоги развития страны на новом пути. И вот они: в 15 раз увеличился ВВП, в 20 раз – промышленное производство, более чем в 100 раз – внешнеторговый оборот, резко поднялся жизненный уровень жителей города и деревни и так же резко снизилось число китайцев, живущих за гранью бедности; во много раз увеличилось производство продовольствия и китайцы впервые за многие годы избавились от массового голода.

Китай не понес никаких потерь во время так называемого азиатского кризиса 1997-1998 годов и стал единственной крупной державой мира, которая не имела тяжелых потерь после начала мирового финансово-экономического кризиса 2008-го года. Так, в 2009 году рост ВВП составил 9%, в 2010 г. – 10,3%, в 2011г. – 9,2%.

Но поскольку основные торгово-экономические партнеры КНР в лице США и Евросоюза резко снизили производство и соответственно импорт товаров из Китая, то это стало сказываться и на темпах его роста: в 2012 г. они составили 7,6%, в 2013 г. – 7,7% и в 2014 г. – 7,4%. Но, как говорится, нам бы их заботы! У нас они нулевые, в ближайшие годы, по официальным оценкам, станут отрицательными, у США – 2-3 процента в год, а многие страны Евросоюза еще корчатся в муках тяжелейшего финансово-экономического и социального кризиса.

В условиях мировой кризиса Китай сумел быстро расширить торгово-экономические отношения со своими соседями, странами Латинской Америки и Африки, с Австралией, интенсифицировал внутреннее развитие и показывает завидные результаты в своем росте. Так, объем ВВП по номиналу в 2014 году составил 10,5 трлн. долларов и по паритету покупательной способности (ППС) стал даже чуть выше американским ВВП. Золотовалютные резервы перевалили за 4 трлн. долларов, внешнеторговый оборот вырос до 4,2 трлн. долларов. Фантастически быстро росло производство автомашин. В дореформенный период (1978 г.) было выпущено 149 тыс. автомашин, а в 2010 и 2011 гг. – по 18 млн., что больше, чем в любой другой стране мира, в 2012 г. – 19,3 млн. и в 2013 г. – 20 млн., а в 2014 г. – 22 млн. единиц. Такими же впечатляющими стали и достижения Китая в развитии высоких технологий.

Если проанализировать успехи, кстати говоря, не только Китая, но и так называемых новых индустриальных стран, и в первую очередь Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, которые в исключительно короткий исторический срок из экономической отсталости, массовой неграмотности вышли на передние рубежи прогресса, то мы увидим много общего. Это глубоко продуманная модель социально-экономических реформ; исключительно благоприятный инвестиционный климат; всемерное поощрение предпринимательской деятельности и особое внимание развитию образования, науки и высоких технологий; максимально высокая доля в ВВП инвестиционного капитала; решительное пресечение наездов на бизнес чиновников, силовиков и криминала; отвечающая требованиям прогресса на каждом этапе развития общества политическая система; прагматичная, нацеленная на создание максимально благоприятных условий для внутреннего развития страны, внешняя политика. Во всем господствует прагматизм: никакой идеологической или политической зашоренности, хорошо все то, что работает на интересы народа и страны. Все великие реформаторы Востока, как, например, Дэн Сяопина и недавно скончавшийся архитектор сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, в то же время и великие прагматики. Квинтэссенцией прагматизма стала фраза Дэн Сяопина: не важно, какого цвета кошка, белого или черного, лишь бы ловила мышей.

«ГЕОПОЛИТИКА»: И все-таки, что бы вы особо выделили в успехах китайских реформ?

Алексей Кива: Это не один фактор, их несколько и они дополняют друг друга, создавая синергический эффект. Это стратегия развития страны, если хотите, тот социальный идеал, к которому надо стремиться. Это модель социально-экономических реформ. Это субъект реформ, говоря по-другому, та сила, которая реально способна их реализовать. Это идея преемственности в развитии Китая. Это приоритеты в расходовании бюджетных средств, а говоря шире, материальных ресурсов всего общества. Это стимулы для духовного подъема народа при решении на деле очень сложной задачи в исторически сжатые сроки поднять страну из отсталости и нищеты на уровень промышленно-и технологически развитой (среднеразвитой) страны. И, конечно же, повторюсь, очень взвешенная политика на международной арене, направленная на исключение конфликтов с другими странами, превращение бывших недругов в друзей. Именно при власти Дэн Сяопина (формальной, а при ее отсутствии за счет его высокого авторитета в обществе) были заложены практически все основы жизни страны и общества в постмаоистскую эпоху. Но давайте поговорим обо всем по порядку.

Первое. Дэн Сяопин и его ближайшие сподвижники, сознавая, что в бедном китайском обществе велико влияние идеи социализма как таковой, не стали от него отказываться. Они прекрасно понимали, что два поколения людей воспитывались в духе приверженности идее социализма и отказ от нее мог сильно ударить по человеческому достоинству и социальному самочувствию десятков миллионов людей. Но они дали новое прочтение идее социализма и социалистического общества. Вместо идеи коммунизма они выдвинули идею социализма с китайской спецификой, для реализации которой необходимо создать материальные предпосылки, и на это может уйти, как они заявляли, 50-100 лет и даже больше. При этом всячески подчеркивали, что социализм нельзя создать в нищем обществе, а чтобы страна стала богатой, надо поощрять все формы собственности и не бояться появления в стране богатых людей. Дэн Сяопин даже выдвинул лозунг «Пусть в стране будет больше богатых!», сильно перекликающийся с лозунгом Николая Бухарина в период нэпа. (К слову сказать, Дэн Сяопин около года учился в СССР как раз в период нэпа, когда шла острая борьба между сторонниками Сталина и Бухарина.) Как мы знаем, в Советском Союзе стратегической целью было построение коммунистического общества, и до разложения коммунистической верхушки в период брежневского правления в эту идею многие советские люди верили. В постсоветской же России никакой стратегической цели нет. На вопросы «что мы строим» и «куда идем» ответа как не было, так и до сих пор нет. Еще сильно влияющие на ход нашего развития либералов, которые считают, что постановка таких вопросов вообще неуместна.

В то же время команда Дэн Сяопина понимала, что народу нужна более близкая перспектива, и с этой целью была выдвинута промежуточная цель: построение общества средней зажиточности («сяокан»). В таком обществе человек должен иметь работу, крышу над головой, возможность учиться, лечиться и т.д. И как постановил ХУ11 съезд КПК (2007 г.), такое общество должно быть построено к 2020 году. Эту же цель подтвердил и ХУ11 съезд КПК (2012 г.) Кто-то может сказать, что и в СССР была промежуточная цель, которая именно в период правления Брежнева была якобы решена – построен развитый социализм... при нарастающем тотальном дефиците всего и вся. По факту это стало дискредитацией идеи социализма как таковой.

Второе. Важнейшую роль в успехе модернизации, вне сомнения, играет модель реформ. Могу предположить, что у Дэн Сяопина еще задолго до принятия программы «реформа и открытость» в общих чертах уже была модель реформирования страны. Ведь в какие-то годы при Мао Цзэдуне он играл едва ли не ключевую роль в экономическом блоке правительства, побывал на должностях и генерального секретаря КПК, тогда третьего человека в партийной иерархии, и начальника генерального штаба НОАК (Национально-

освободительная армия Китая), накопив огромный опыт государственной деятельности. Тем не менее, модель «реформа и открытость» вырабатывалась с учетом страновых реалий, при активном участии освобожденных из тюрьмы или возвращенных из деревни китайских ученых, где они «перевоспитывались» в духе маоизма. С учетом опыта нашего нэпа, «косыгинских» и венгерских реформ, позитивных перемен в соседних странах и особенно в Сингапуре, где уже зарождалось «экономическое чудо». Более того, в Китай был приглашен и «крестный отец неолиберализма» американец Милтон Фридмен, и его точка зрения на реформирование Китая тоже была выслушана.

Что же касается российских реформаторов «ельцинского набора», то это молодые люди, еще не состоявшиеся как серьезные ученые или специалисты, но крайне амбициозные и самонадеянные. Они не стали ломать голову над разработкой собственной модели реформ, а позаимствовали ее в США, а еще и пригласили из Америки советников во главе с профессором Джеффри Саксом. Модель была разработана в Институте международной экономики, что находится в Вашингтоне. Отсюда она получила название «Вашингтонский консенсус». Выполненная в духе неолиберализма, согласно которому государство не должно вмешиваться в экономику, рынок, так сказать, сам все расставит по местам, эта модель мало годилась, если не сказать, совсем не годилась как руководство к действию по переводу закрытой государственной экономики на рельсы рыночного развития. Ибо при этом императивно требуются и индикативное планирование, и промышленная политика, и постепенное, а не одномоментное открытие страны для неконтролируемого притока из высокоразвитых стран товаров, которые стали вытеснять из рынка продукцию отечественного производства. К чему это привело, мы хорошо знаем. Была разрушена экономика и система жизнедеятельности и народ был повергнут в небывалую для мирного времени нищету. И всему тому, что ныне мешает нашему нормальному развитию, мы «обязаны» реформам 1990-х годов. И сырьевому характеру экономики, и тяжелому демографическому кризису, и потерей завоеваний в научно-технической сфере, в здравоохранении, образовании и культуре. Корнями в 90-е уходят и олигархия, и редкая в мире коррупция, и организованная преступность, которая стремится по законам мафии втягивать в свои сети «государевых людей». И основная вина за это лежит прежде всего на первом президенте РФ Борисе Ельцине. Именно он формировал команду реформаторов, при этом, как говорили люди из его окружения, внимал советам и пожеланиям его американских «друзей» и напрочь отвергал предложения не только крупных отечественных ученых, но и лауреатов Нобелевской премии западных стран, которые предлагали ему приостановить радикально-либеральные «реформы», которые не реформируют, а разрушают экономику.

Но вернемся к китайской модели реформ, оригинальной и на редкость успешной. Если говорить о ее составляющих, то на первое место я бы поставил создание широкой сети свободных, или специальных экономических зон (СЭЗ). Они давно возникли во многих странах, но нигде не дали такого результата, как в КНР. Их местоположение было глубоко продуманным – прежде всего в районах с наиболее развитой инфраструктурой, грамотным населением, приятным климатом и как можно ближе к морским путям. Создавались также и приграничные СЭЗ, но уже в первую очередь с учетом стран, богатых природными ресурсами. Команда Дэн Сяопина сумела убедить соотечественников, по тем или иным причинам оказавшихся в других странах («хуацяо»), вернуться со своим капиталом на историческую родину, дав гарантию не только его неприкосновенности, но и лучших условий для его приумножения. И известные необыкновенной привязанностью к матери- родине этнические китайцы внесли первые миллиарды долларов в развитие СЭЗ. В итоге через СЭЗ в Китай пришел не только инвестиционный капитал порядка 700 млрд. долларов. На их территории крупнейшие мировые корпорации создали новые производства, научно-технические центры, лаборатории и т.д. и т.п.

Второй важнейшей составляющей явилось то, что одновременно с созданием СЭЗ Китай развернул индустриализацию, заложил основу развитию высоких технологий, предоставив тем самым широкие возможности для приложения иностранного капитала, получения инноваций, современного менеджмента и т.д. Конечно, сыграли свою роль и масштабы Китая, а, соответственно, и масштабы нового строительства, масштабы рынка и, естественно, размеры прибылей иностранных компаний. В том числе за счет дешевого труда, который, однако, стал дорожать по мере быстрого развития Китая.

«ГЕОПОЛИТИКА»: Известно, что в период «культурной революции» большие потери понесла наука и образование, поскольку многие профессора были отправлены в деревню на «перевоспитание, а студенты и даже ученики старших классов стали активными участниками отрядов хунвейбинов («красногвардейцы») и цзаофаней («стражники порядка»). Как же в этих условиях команда Дэн Сяопина могла делать ставку на развитие высоких технологий?

Алексей Кива: Для Китая подготовка кадров действительно стала одной из самых актуальных и сложных проблем. Однако руководство страны нашло выход. С одной стороны, оно стало приглашать в страну для работы и/или чтения курса лекций специалистов из развитых стран. С другой стороны, начало ежегодно направлять (поначалу за государственный счет, а по мере возникновения в стране зажиточных людей - и за счет родителей) сотни тысяч студентов в западные и прежде всего американские университеты. В итоге в развитых странах прошли обучение и стажировку, по оценкам, 2,5-3 миллиона китайцев. Не все вернулись сразу на родину, но Пекин такую задачу перед собой и не ставил: ему нужны были не только выпускники вузов, но и состоявшие ученые и специалисты. И когда по мере быстрого роста Китая быстро росла и потребность в опытных кадрах, то власти обратились к своим соплеменникам вернуться на историческую родину, где им будут предоставлены равные и даже лучшие условия для работы, карьеры и жизни, чем они имеют в других странах. И многие из них стали возвращаться и занимать руководящие посты в исследовательских центрах, университетах, лабораториях.

Многие из нас до сих пор считают, что в технологическом отношении Китай отстает от России. Увы, это далеко не так. По многим направлениям технико-экономического прогресса Китай опередил нашу страну. И это видно не только по доле товаров с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичной продукции в его экспорте, которая составляет 25-30 процентов (а одна только высокотехнологичная продукция – 22 процента, что больше, чем у США), в то время как наша доля (причем с учетом военной техники - не превышает 4-5 процентов). В число лучших университетов мира по рейтингу «Лучшие университеты мира: рейтинг The Times 2013» вошло 16 китайских университетов, включая университеты Гонконга, и только один российский университет – МГУ им. М.В. Ломоносова. Можно, конечно, оспаривать справедливость рейтингов, но нельзя оспорить реальность. По словам Президента РАН Владимира Фортова, на науку мы тратим чуть больше 1 процента ВВП, в то время как передовые страны - во много раз больше. В мировых расходах на науку наша доля составляет 2,5 процента, в то время как Китая – 13,5 процентов. При этом и школьники китайских мегаполисов по уровню грамотности занимают достойные места. Да, есть еще производства и технологии, где РФ впереди КНР, но их очень мало. В целом же мы с Китаем как бы поменялись местами. В советские годы при нашем содействии в Китае в 1953 году был построен первый автомобильный завод (FAW), а ныне КНР строит у нас автомобильные заводы. Еще в 90-е годы в нашем экспорте Китаю преобладала продукция машиностроения, а сейчас – сырье.

Третьей не менее важной составляющей китайской модели стал вопрос о субъекте реформ. Из нашей практики известно, что когда ставший президентом РФ Дмитрий Медведев в своей резонансной интернет-статье «Россия, вперед!» объявил о модернизации страны, в том числе создание новой экономики, то оказалось, что нет той

силы, которая стала бы претворять в жизнь высказанные им идеи. Переход от сырьевой экономике к промышленной и тем более инновационной – это в конечном итоге есть революция, точнее сказать, «революция сверху», понятно, мирная.

Однако партия «Единая Россия» объявила себя консервативной партией, то есть партией, которая стоит на позициях постепенных преобразований. Дэн Сяопин посчитал самым рациональным для Китая в качестве субъекта модернизации использовать компартию, постепенно меняя ее идеологию, членский состав, а в конечном итоге и стратегическую цель. Но, как и в экономике, делая это постепенно, поэтапно, по мере нарастания позитивных сдвигов в экономике, социальной сфере, массовом сознании, культурном строительстве, качестве жизни граждан. В конечном итоге прием в КПК стал открыт для представителей всех слоев населения – рабочих, крестьян, людей интеллектуального труда, предпринимателей, включая миллионеров. Тем самым КПК перестала быть партией рабочего класса, как было записано в ее уставе, и превратилась в общенародную партию.

Четвертой составляющей модели реформ, если не сказать стратегии развития государства, стала идея преемственности в развитии страны и в ее руководстве. (Забегая вперед, отмечу, что в Китае официально введено понятие «лидер поколения руководителей». И лидером первого поколения руководителей как раз является Мао Цзэдун, второго – Дэн Сяопин, третьего Цзян Цзэминь, четвертого – Ху Цзиньтао и пятого, то есть нынешнего поколения руководителей, – Си Цзиньпин.) Дэн Сяопин трижды был на волосок от гибели и дважды уже при правлении Мао. А его сын Дэн Пуфан в годы «культурной революции» был сброшен с третьего этажа университетского здания студентами-хунвейбинами и на всю жизнь остался инвалидом в коляске. Но Дэн как крупная личность руководили не жаждя мести, а государственные, общенациональные интересы, которые требовали не раскола общества на сторонников и противников «Великого кормчего», а его сплочения для решения гигантской задачи модернизации страны в как можно более сжатые сроки. И Дэн заявил, что деятельность Мао Цзэдуна на 70% была правильной и только на 30% – ошибочной. Такая оценка, не оспариваемая и поныне, не только не вызвала раскол в обществе, затруднив движение страны вперед, но и была в целом объективно верна. Важнейшей заслугой Мао стало то, что он объединил страну, при нем было создано ядерное оружие и это положило конец раздиравшим страну военным кликам и превращению Китая в объект агрессии со стороны великих держав. Да и, как подсчитали авторитетные российские ученые, в годы правления Мао Китай развивался примерно в два раза быстрее, чем Индия. Лично для меня это было загадкой, но потом я вспомнил, что на редкость удачной была первая пятилетка развития Китая (1953-1957 гг.) при активном содействии СССР и первые годы второй пятилетки (1958-1962 гг.) до перехода Китая к авантюрной политике «большого скачка» и разрыва с СССР в 1960 году.

Пятой составляющей китайской модели реформ была изначальная ориентация не на сырьевую экономику, как это было в постсоветской России, а на промышленно-инновационную экономику и на максимально высокую долю инвестиций, доходивших в отдельные годы до 50 процентов ВВП.

Между прочим, мало кто знает, что вплоть до 1993 года Китай экспортировал нефть, пока быстрое индустриальное развитие не потребовало ее импорта. За счет чего достигалась такая высокая доля инвестиций? Китайцы очень бережливый народ и несут свои деньги в Народный банк, полностью доверяя государству, которое, в отличие, увы, от нашего государства, никогда не обманывало своих граждан. В Китае тоже случалась относительно высокая инфляция, но проценты покладам всегда были выше инфляции.

Одним словом, приоритетом расходования средств в Китае является развитие, а не престижные проекты и спорт, как это случается у нас. При этом власть не позволяла партийным руководителям и государственным чиновникам «шиковать» за государственный счет.

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА ▲

#01. 2015 | ГЕОПОЛИТИКА ▲

Сама жила скромно и этого же требовала от других. Оговорюсь: до тех пор, пока Китай не совершил индустриализацию и не создал огромные валютные резервы, а в стране не появился класс богатых людей, на образ жизни которых стал ориентироваться правящий класс. И только тогда Китай позволил себе вложить немалые средства в создание инфраструктуры для летних Олимпийских игр 2008 года. Только это в основном те инфраструктурные проекты (новые аэропорты, дороги, а также шедевры архитектуры, такие, как Большой национальный театр и Олимпийский стадион), которые будут служить китайцам многие годы.

Но и тогда за коррупцию следовало суровое наказание, не взирая на чин и прежние заслуги имьярека перед государством. Однако с приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году со «сладкой жизнью» партийных руководителей и чиновников началась решительная борьба.

Наконец, громко не озвученная, но всеми китайцами лелеемая мечта вернуть Поднебесной ее былое величие рождают в массах подлинный патриотизм, содействуют созданию здорового духовно-нравственного климата в обществе и помогают многим китайцам переносить немалые трудности и лишения во имя достижения этой цели.

«ГЕОПОЛИТИКА»: А что говорил своим коллегам Дэн Сяопин в своем политическом завещании?

Алексей Кива: Я это могу передать словами академика РАН, директора Института Дальнего Востока РАН Михаила Титаренко. Он окончил в Китае два университета, часто там бывает и очень хорошо знает эту страну. "Мы не имеем права высовываться. - напутствовал Дэн своих ближайших сподвижников. - Мы не должны ничего возглавлять, мы не должны ни в чем быть первыми, кроме модернизации собственной страны, кроме изучения опыта других стран. Мы должны терпеливо все выносить, проводя самостоятельную независимую политику". И далее: "Мы - коммунистическая партия, но мы принципиально отличаемся от Коммунистической партии Советского Союза, распавшейся, потому что у нас другое понимание социализма. Для КПСС главная задача была, чтобы построить социализм в Анголе, Афганистане, Никарагуа и еще где-то, забыв о том, что в ста километрах от Москвы люди живут еще в XIX веке. А для нас важно то, как живут люди в ста километрах от Пекина. А как живут в Анголе, это пусть ангольцы сами решают».

«ГЕОПОЛИТИКА»: Хорошо известно, что российские аналитики по-разному относятся к китайским реформам и быстрому возрастанию мощи Китая на фоне экономических трудностей России.

Алексей Кива: Да, я об этом знаю и в своей монографии этого не скрываю. И хотя это предмет отдельного разговора, вкратце об этом скажу. Я бы выделил три группы аналитиков, имеющих свое видение реформ в Китае. Во-первых, это те, которые либо прямо, либо косвенно, как единомышленники команды Е. Гайдара-А.Чубайса, связаны с реформами 90-х годов. Они продолжают восхвалять те реформы, считая их единственно возможными, и пример Китая им, прощу прощения, как бельмо на глазу. Как как-то сказал академик РАН Сергей Глазьев, не будь примера Китая, либералам было бы гораздо легче вводить россиян в заблуждение насчет реформ 90-х (повторяя слова Гайдара, что реформы 90-х спасли россиян от голода, а Россию – от распада). Аналитики этой школы умаляют достижения КНР и даже вопреки фактам пытаются доказать, что «коммунистический Китай» не сможет построить инновационную экономику. Других аналитиков, главным образом в пограничных с Китаем районах, при нынешней слабости России быстрый рост Поднебесной пугает. На нашем Востоке проживает менее 10 миллионов человек, в то время как на противоположной стороне границы – более 100 миллионов. Они боятся, что, став второй в мире сверхдержавой, Китай может предъявить к нам территориальные претензии на том основании, что до середины XIX века обширные территории нашего Востока, скорее теоретически, чем по факту, были в сфере влияния Поднебесной. К этой группе примыкает и ряд известных столичных китаеведов, которым, очевидно, нравится

пугать россиян растущей китайской мощью. Однако основная масса китаеведов считает Китай дружественной нам страной, с которой у нас ныне лучшие отношения, чем они были на протяжении многих десятилетий, и этим надо дорожить. Но в то же время, не впадая в эйфорию, они не берутся предсказывать, как поведет себя Китай, если действительно станет второй, если не первой в мире, не только экономической, но и военной сверхдержавой. Вопрос только в том, что Китай вряд ли сможет бесконечно долго быстро развиваться. Несколько десятилетий назад многие аналитики считали, что Япония в обозримой перспективе опередит США по объему ВВП, но произошло совсем другое – экономический рост Страны восходящего солнца застопорился на несколько десятилетий, хотя технологический прогресс продолжался. Иначе говоря, предвидеть будущее той или иной страны по большому счету нам не дано.

«ГЕОПОЛИТИКА»: Вы высказали много интересного о реформах в Китае...

Алексей Кива: Но далеко не обо всем можно сказать в интервью. За бортом остались политические реформы, взгляд на развитие Китая западных аналитиков, социальная сущность «социализма с китайской спецификой», правомерность названия Китая коммунистической страной, учитывая, что по числу долларовых миллиардеров он опередил Россию, заняв второе место после США. Не затронуты и ряд других проблем внутренней и внешней политики КНР. Но все это есть в монографии, которая, надеюсь, появится в Интернете. ▲

Власти постсоветской России решительно отказались от социализма в пользу капитализма хорошо известными россиянам шоковыми методами.

Пекин же после прихода к власти Дэн Сяопина, не отказываясь ни от социализма, ни от марксизма-ленинизма, но, разительно обновляя то и другое, начал проводить реформы